

ГОРОД АГРАРНОГО ТИПА СРЕДИ ПОСЕЛЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВВ.

А. В. Белов

Основной хозяйственной формой городского поселения выступает торгово-промышленный город. В период нового времени в России к данному типу относятся практически все населённые пункты, которые официально именовались городами. Даже если по общему уровню своего промышленного развития они не являлись сколько-нибудь заметными центрами производства, то всегда выполняли (хотя и в разной степени) посреднические торговые функции и играли роль регионального (как правило, уездного) центра торговли. Однако лицо и характер русского города дореформенного периода не исчерпывается только ими. В процессе территориально-хозяйственного развития возник целый комплекс городских типов, определяемых различными факторами (хозяйственными, административными, культурными, духовными, военными и т.д.): столичные города, города-крепости, города-заводы и города-порты, университетские города, «священные» города и т.д. К их числу можно отнести и такое явление российской истории, как аграрный город.

Русский традиционный город всегда был аграрным. Это обстоятельство не раз вызывало весьма неблагоприятные отзывы о его характере, а также о развитии экономики России в целом. Но стоит задуматься, насколько допустима однозначно отрицательная оценка земледельческих городских промыслов; справедливо ли обозначать их исключительно как результат отсталости и пережитка.

На протяжении многих веков хозяйственной истории России в ходе каждодневной практики определялись формы организации производства. Практика эта проходила в условиях нередко крайне неблагоприятных (нехватка времени, рабочих рук, неравномерное распределение плодородных почв и иных условий)¹. В итоге, шёл процесс распределения хозяйственных функций, которые становились условием не только наиболее рационального использования ограниченных ресурсов, но, возможно, самого выживания страны и её населения. Одной из таких специфических форм, присущих российской экономике, и стал отказ русских крестьян от массового, товарного производства садовой и огородной продукции и передача этой деятельности жителям городов. Именно они на протяжении продолжительного периода оставались важными поставщиками на рынок данного вида товара, целенаправленно специализируясь на его производстве.

На территории различных губерний Центральной России формы городских аграрных промыслов имели свою специфику, что было обусловлено целым рядом обстоятельств. Горожане Калужской губернии создавали обширные сады; в первую очередь это относилось к «старым» городам, традиционно связанным с Москвой и территорией Московской губернии (Боровск и Малоярославец)². Московская губерния была ориентирована на массовое производство в первую очередь огородной продукции. Москва сформировала вокруг себя узкоспециализированные аграрные

пригороды, ориентированные только на её рынок³: район Звенигорода, Марфино, группа так называемых «селений Коломенского Приказа» (Борисово, Братеево, Коломенское, Шипилово и др.⁴). Крупнейшим и наиболее производительным из них было хозяйство крестьян Коломенского⁵. При этом подавляющая часть аграрной продукции производилась в самой Москве, где в первой половине XIX в. было зафиксировано 117 крупных⁶ «промышленных» огородов и не менее «150 фруктовых садов с 35 оранжереями»⁷.

Впрочем, несмотря на размах аграрного производства в Москве, она не даёт примера классического аграрного города, т. е. города, культивировавшего высокоэффективное товарное сельскохозяйственное производство. К таким поселениям относились в первую очередь поселения Владимирской губернии.

Статистические описания указывают, что во Владимире, губернском городе и старом центре православия, при каждом городском дворе был свой огород. На них «салятся обыкновенно: лук, огурцы, свёкла, капуста, морковь, картофель, редька, но в весьма малом количестве и дают бедный урожай»⁸. Таким образом, даже у жителей губернского центра, поселения с многовековой судьбой, сохранялся полунатуральный характер домашнего хозяйства.

Эта черта неотторжима от облика традиционного русского города. Даже в Москве в конце XIX в. можно повсеместно найти те же черты. Домашнее, подсобное огородничество сохранилось в той или иной степени вплоть до наших дней — в виде грядок под балконами городских многоэтажек и дачных шести соток. Огороды и сады были непременным атрибутом внешнего вида городов. В конце XVIII в. Гороховец был настолько покрыт садами, что, по замечанию современника, «от них города мало видно»⁹.

Но сразу стоит оговориться: необходимо различать два вида огородничества в городах. Первый — домашнее огородничество, о котором речь шла выше, обязательный атрибут мещанских дворов практически каждого русского города, по сути, пережиток тотального натурального хозяйства прошлых веков или средство решения материальных проблем.

Второй тип огородничества принципиально иной, рассчитанный на производство и рынок, причём не только местный, но и весьма удалённый, в том числе и всероссийский. Занятие это требовало высокого профессионализма и практически всего свободного времени. Целый ряд русских городов сделал сельские промыслы своим главным занятием. Они не только обеспечивали садовой и огородной продукцией соседей-крестьян¹⁰, но и заняли важное место на российском рынке. Специализирующиеся на этой деятельности городские поселения получили в историографии устойчивое название — «аграрные города».

По сравнению с другими губерниями Центральной России Владимирский край — земля древних околий — обладал несравнимо большими условиями для развития огородничества и садоводства. Хотя и первое, и особенно второе было сильно ограничено природными условиями и требовало большого труда. Огородничество развивалось только в местах, отличающихся хорошим грунтом, который нуждался в постоянном удобрении и приложении «необыкновенного старания». Благодаря

этому труду земля огородов губернского Владимира приобрела иное качество, особенные свойства по сравнению с обычными почвами края.

Садоводство Владимирской губернии ещё более, чем огородничество, требовало качественной земли и умеренного климата. Главное и наиболее трудное — наличие плавного перехода от холода к оттепели и обратно. Это одна из важнейших причин неравномерности развития садоводства (С. 182) даже здесь, на территории плодородных ополей.

Особенностью Владимирской губернии было то, что огородничеством здесь занимались все города. Но совмещение ряда природных и антропогенных условий привело к огородной специализации в рамках трёх уездов и соответственно трёх уездных центров — Вязников, Гороховца и Муром (С. 179). Особое место в огородном производстве принадлежало Суздалью, где этим промыслом охотно и весьма активно занимались практически все местные жители. Огородничество в этом городе отличалось тем, что здесь оно (как и, например, в городах Калужской губернии) привилось издревле, приобретая характер местной специализации.

В первую очередь суздальцы выращивали хмель и хрен, которые по зимнему пути вывозили в Москву и Петербург, где они пользовались не только большим спросом, но и большой известностью именно как суздальская продукция. Выражаясь современным языком, словосочетание «суздальский хрен» или «хмель» выступали торговым брендом, который был уважаем во многих городах страны (С. 180). Кроме того, в большом объёме в Суздале выращивали на продажу лук. Под него в начале 1850-х гг. каждый год засеивалось до 3 000 гряд. В конце 1840-х гг. к культурам, пользующимся наибольшим спросом, прибавились цикорий и мята. Рост производства последней был связан с деятельностью Маренкова — бывшего медика Суздаля. Изобретённый им способ получения из мяты эфирных масел, а затем и строительство фабрики для их выгонки и производства «различных медикаментов... эфирных капель и тому подобных» товаров привели к росту посевов (С. 180).

Общий доход семьи суздальчан, занимавшейся огородным и садоводческим промыслом, достигал 1 000 руб. серебром в год (С. 179). Для сравнения: жалование Владимирского губернатора на начало XIX в. равнялось 1 800 руб. в год, а «зарплата» городничего Суздаля — всего 300 руб. в год¹¹.

Помимо Суздаля, среднерусский огородный рынок занимали товары Гороховца и Вязников. Крайние земли обоих городов (правый берег Клязьмы от устья р. Нерехты до Гороховца) представляли собой особый огородный район. Гороховец был известен выращиваемой здесь «крымской капустою», «замечательной» по величине и вкусу (С. 278), которую везли на продажу в Москву. Вязники — луком и особенно огуречным семенем. Его хорошо знали и ценили по всей стране, так как вязниковские семена везли на ростовскую ярмарку, где их скупали знаменитые огородники Ростова и Ярославля. Причём последние не только использовали их в своём деле, но (без преувеличения) «возами» отправляли на перепродажу в Петербург и Москву (С. 180).

Последним (четвёртым) крупным огородным городом Владимирской губернии был Муром. Вплоть до последнего времени он был известен своими «муром-

скими огурчиками». Правда, в середине XIX в. основной продукцией, идущей на российский рынок, выступали не огурцы, а огуречное семя, качеством которого город славился (С. 180). За пуд зёрен давали 230 руб. серебром (С. 180). Впрочем, для официальных городских слоёв Мурома сельские промыслы не были ведущими (как в Суздале, Вязьме и Гороховце), а одними из ряда способов получения дохода (С. 286).

Менее заметный, но весьма значимый вклад в производство вносил Владимир, на территории которого насчитывалось 411 огородов (С. 258). К крупным огородным городам края можно отнести промышленное село Мстеру. Его жители хоть и писались крестьянами, но не имели пахотной земли. Все их поля были заняты «прекрасными огородами», на которых высевали исключительно лук. Продукция продавалась в окрестных сёлах и близлежащих городах (С. 180).

Помимо огородничества, в городах Владимирского края активно развивалось садоводство. Владимир выступал как главный центр распространения садоводства по губернии. В городе сад имел каждый житель-дворовладелец, причём сад, наполненный многочисленными деревьями, на которых произрастали, по выражению современников, «нежные сорта» яблوك и вишен. Всего во Владимире в 1852 г. значилось без малого четыре сотни садов — 397 (С. 183). Они не только целиком удовлетворяли потребности хозяев, но и давали излишки, которые шли на продажу как на рынки Владимира, так и далеко за его пределы.

Особым спросом пользовалась так называемая «владимирская» вишня. По сути, это три разных сорта: «Васильевская» — лучшая, розовая и крупная; «родительская» (или «родительвы вишни») — чёрная, вкусная и довольно крупная; и «белокрасная, мелкая, но очень вкусная». Отсюда все сорта (но в особенности первые два) разошлись как по губернии, так и по всей стране. Владимир был главным поставщиком саженцев вишни в России¹². Наилучшим образом владимирская вишня прижилась на востоке края в двух городах — Вязниках и Гороховце. Благодаря наиболее благоприятным (по сравнению со всем краем) условиям здешних мест вишня давала обильные урожаи. Культивировали «владимирку» и в Муроме, но в значительно меньших масштабах (С. 182).

Кроме вишен, сады городов Владимирской губернии были наполнены яблоками самых многочисленных сортов. Более прочих славились анис, апорт, боровинка, плодовитка, липовка, рамень белый, рамень жёлтый, налив, чёрное дерево и др. Помимо яблук, жители Владимира, Вязников, Гороховца, Суздаля и Муромы выращивали смородину (красную, чёрную и белую), крыжовник (самых разных сортов), малину и прочие садовые ягоды (С. 182).

Удачное стечение условий привело к тому, что для жителей первых четырёх городов садоводство стало одной из главных отраслей производства. Только жители Владимира продавали плодов на 46 000 руб. в год в нескольких губерниях страны (С. 182). Вишни вывозились сухим и водным путём в крупнейшие города страны: Петербург, Москву, Нижний Новгород и Ярославль (С. 184). Вязники и Гороховец отправляли свои товары посуху в богатую промышленную Шую или, пользуясь собственным положением на Клязьме, сплавляли в Нижний. Если яблоки везли плодами, то вишню давили, перевозя сок бочками (С. 278).

В середине века садоводству Владимирского, как и Калужского, края был нанесён тяжёлый удар. Несколько холодных лет подряд привели к вымерзанию большей части плодовых деревьев. Урон был настолько силён, что садовый промысел здесь стал клониться к упадку. К примеру, крупнейшие сады Владимира и Вязников в последующие годы давали меньше 10% от прежнего объёма! Доходы Гороховца и Вязников от продаж садовой продукции не поднимались выше соответственно 2–3 тыс. руб. серебром в год против приблизительно 30–40 тыс. в прежние времена (С. 183).

Аграрные города были присущи не только Владимирской губернии. К этой группе в полной мере могут быть отнесены Москва, Калуга, Малоярославец, Боровск и другие поселения Центральной России. Активное садоводство и огородничество среди жителей городов и слобод имело место на территории Ярославского края¹³ и других регионов страны.

Подводя итоги, стоит отметить, что аграрные города XIX в. являются не некими уродливыми пережитками экономической несостоятельности страны, а результатом рациональной и достаточно успешной формы реализации её потенциала исходя из имеющихся условий и векового опыта, приноравливающегося к непреодолимым внешним условиям.

По природе своей аграрный город — результат пространственного распределения хозяйственных функций, формирования городской сети и необходимого набора востребованных хозяйственных типов городов. Проводимая в советское время плановая и сверхмасштабная урбанизация страны диктовалась в том числе безотчётной верой в идеи западного марксистского экономического учения. В итоге, была реализована задача, к которой стремились: город и деревня обособились в своих основных функциях (как их понимают исходя из западной традиции). Но при этом возникла парадоксальная ситуация: деревня, как и прежде, не могла в полной мере обеспечить город огородной продукцией, а горожане, оторванные теперь от аграрных традиций, носители исключительно урбанистического типа культуры, дружно вывозились «в колхоз» на сбор, например, моркови. При этом сельской продукции в городах больше не становилось, а сок владимирской вишни и связанные с ним сиропы, наливки и т.п. исчезли вовсе. Возможно, всё-таки не имело смысла огульно отказываться от таких аграрных городов как формы пространственного распределения хозяйственных функций? Естественно, сегодня не имеет смысла призывать вернуть огородные работы в города, хотя надо признать, что в условиях кризиса они возвращаются сами, что хорошо заметно в ряде городов Центральной России. По-видимому, необходимо осознать, что однозначная западная схема развития неприменима в полной степени на схему жизни, выработанную (а не придуманную!) русской действительностью. Необходимо учитывать наличие этой собственной системы организации пространства, хозяйства и целого ряда других вопросов. А для этого её надо как минимум знать.

---

¹ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 51–52.

² Белов А. В. Административная реформа Екатерины II и особенности формирования городской сети «новой» («малой») Московской губернии // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Материалы IV областной научно-практической конференции. Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2010. С. 26–29.

³ Белов А. В. Городские аграрные промыслы на территории Московской губернии в середине XIX века: распределение производства и потребления между губернскими и уездными центрами // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. М.: Древлехранилище, 2011. Вып. 3. С. 37.

⁴ Аверьянов К. А. История московских районов: энциклопедия. М.: Астрель, АСТ, 2005. С. 662–663, 673, 679.

⁵ Центральный исторический архив Москвы. Ф. 199. Оп. 1. Д. 114 («Сведения о состоянии различных отраслей сельского хозяйства по Московскому уезду за 1864 год»). Л. 78.

⁶ Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. М.: Московский рабочий, 1972. Т. III: Пожар Москвы в 1812 году и строительство города в течение 50 лет. С. 198.

⁷ Военно-статистическое обозрение Московской губернии // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб.: Первое отделение Департамента Генерального Штаба, 1855. Т. IV, ч. 1: Московская губерния. С. 214.

⁸ Военно-статистическое обозрение Владимирской губернии // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб.: Первое отделение Департамента Генерального Штаба, 1852. Т. VI, ч. 2. Владимирская губерния. С. 179. Далее в тексте ссылки даются на это издание, страницы указываются в скобках.

⁹ Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. Владимир: Издание Владимирской Ученой Архивной Комиссии, 1906. С. 62.

¹⁰ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности исторического процесса. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 265.

¹¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Д. 729. Л. 202, 207.

¹² Военно-статистическое обозрение Владимирской губернии. С. 183; Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности исторического процесса. С. 287.

¹³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012. Л. 8–8 об, 214 об., 217.